

ДМИТРИЙ ПЛАХОВ
TIBI ET IGNI
СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
«Вак»
2012

УДК 84(2Рус-Рос)6-5

ББК 84-5

П 37

Плахов Д. А. Стихотворения. - М.: Худож. лит, 2012 — 80 с.
Художник Е. Плахотная

ISBN 978-5-408-00744-8

УДК 84(2Рус-Рос)6-5

ББК 84-5

ISBN 978-5-408-00744-8

© Д. А. Плахов, 2012 г.

© Е. О. Плахотная. Оформление
2012 г.

© Издательство «Вако» 2012 г.

ПИСЬМА С ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Поскольку все хорошие стихи, как известно, давно написаны и не только написаны, но и многократно проанализированы, писать предисловие для новой книжки очень хороших стихов (без дураков очень хороших) дело крайне не простое.

Особенно, когда автор человек весьма образованный (см., например, название книги и отдельных текстов). Он и так все знает. Этим знанием и пользуется.

Формально Плахова можно записать в легион (он сам любит такие слова) последователей Бродского. Думаю, автор не обидится. Нынче все чьи-то последователи. Не хочешь быть последователем Бродского, будешь последователем В. Ходасевича, В. Маяковского, Г. Айги (что уже полный позор) и т. д. Бродский далеко не худший и, что главное, не самый простой вариант. Как завораживают плаховские строки, которые теоретически можно объявить вторичными:

*анатолий сказал
вот уже трое из пизы гонцов
не вернулись в пизу
женщина не имеет концов
но открыта снизу
тело ее вокзал
и наш бронепоезд
на запасной прибывает путь
пусть и печальна повесть
но отражает суть...*

Или это:

*несмотря на пониженный гемоглобин
ты остался в краю кумачовых рябин
здесь танатос от эроса близко
даже ближе пожалуй чем братск и харбин*

*погруженные оба в глубины вагин
недвижимых как зрак василиска
в эти годы командовал кто-то полком
или перья вострил раскаленным штыком
а теперь как обманутый дольщик
ты висишь между плинтусом и потолком
о гражданка судья подскажите по ком
заливается ваш колокольчик...*

Но Бог с ней с формой. Все смыслы тоже давным-давно порождены и отлиты в граните неделимых как атомы словесных блоков. И Плахов принимает и использует эту объективную реальность, данную нам в ощущениях. В его тексты поминутно врываются цитаты всех видов от латинских афоризмов, обрывков псалмов и молитв до наших родных пословиц, прибауток, тостов и разошедшихся на прибаутки и тосты фраз из популярных фильмов и советских песен.

Вообще поначалу стихи Плахова оглушают, буквально заливая читателя невероятным количеством медицинской, военной, географической, музыкальной, библейской, исторической терминологии, именами выдающихся деятелей и т. д.

*как шальные звезды мерцают в небесном ковше
когтистая музыка нынче — скребет по душе
бемоли бекары лекала канцон и кантат
кимвалом бряцая с пришельцем пророчат контакт*

*на пыльных тропинках далеких и близких планет
я плотью нанизан на нотного стана скелет
мембраной касаясь пространства симфоний и фуг
в них чувствуя мощь ускорителей и центрифуг*

*пугающий гул и рожденный вибрацией визг
терзает летящий во тьме то ли шар то ли диск
поскольку прочитан уже непреложный вердикт
и космос холодный на теплую землю глядит*

*виновен скрепивший в один убедительный ряд
щербатые звезды морские и звезды пляд
не шилка не нерчинск но страшный обещанный суд
шагнул за пределы а там лишь тоскливый абсурд*

*я космос открытый рукой дерзновенной держал
посланец земли а не просто одной из держав
я неба рогожу титановым резал ножом
я умер ионным потоком в живот поражен*

Эта тяга к профессиональным языкам сочетается у автора с неуловимым, но проглядывающим в каждом тексте, ужасом. (Не путать с отчаянием. Отчаяние — психическое состояние человека, которым люди, именующие себя поэтами, особенно любят бравировать. А ужас это состояние окружающего мира, от человека, и прежде всего от поэта, никак не зависящее) Заставляет вспомнить уже не Бродского, а Заболоцкого. Заболоцкого не периода «Столбцов», а периода «Безумного волка» и «Людейникова». Но если у Заболоцкого время от времени брезжила вера в Большой нарратив, то Плахов живет и пишет в эпоху окончательной гибели большого нарратива (если конечно не считать таковым ислам). Причем образовавшиеся из трупа малые нарративы не только пожирают друг друга, но и (что гораздо хуже) размножаются делением в геометрической прогрессии, чтобы продолжать пожирать друг друга. Об этом собственно и стихи Плахова.

Не даром так часто бряцает в его мирных текстах оружие и шагают воинские подразделения.

«на город пехотным полком наползает стужа»

«где центурии туч полыхают холодным гневом»

*«вот с булавами ходят гетманы
у всех обрита голова
вот масса гетов с массагетами
несут ракету булава»*

*в декабре проснешься за окном ядерная зима
прах земной перемешан с небом равно как свет и тьма*

*на площадях водружают под ура троекратное
ржавые «тополь-м» и повторяя тополь тополь
тополь тополь ты надеваешь ядерное пальто
и выходишь в парадное*

*раздавишь ботинком атомный шприц и его игла
напрасно грезила стогом сена и вот легла
дырчатым острием указав направление удара
по секретному бункеру и ты благодарен атомному ядру
что ритмично хлещет по головы ведру
и терзает геоид имеющий форму шара*

*а на улицах людно везде раздают хлеба
предвкушение рождения атомного гриба
заставляет плоть трепетать будто нос крольчихи
и бросая тени на ядерный тротуар
три волхва стоят мельхиор бальтазар каспар
как три тополя на плющихе*

А сколько видов оружия переполняет эти тексты. От «Тополя-М» и ракеты «Булава» до гетманской булавы, от банального меча до пращи и ледоруба Меркадора.

В поэзии Плахова идет бесконечная и бессмысленная война Хаоса с Логосом. Там даже поход к зубному врачу оборачивается воздушным сражением Второй мировой.

de dolo malo

*уж скоро май а германа все нет
но он не обещал быть ровно в полночь
он шел в зубоврачебный кабинет
а там мерзота всякая и сволочь
счищает камень с коренных зубов
мостит мосты пломбирует траншеи
порой братоубийственна любовь
читатель не дождется рифмы «кровь»
скорей петли затянутой на шее*

*и вот наш герман юный юнкер шмидт
а может гектор сын забытой трои
в пике заходит словно мессершмидт
вернее юнкерс а навстречу трое
покрышкин талалихин кожедуб
подкуплены ревнивым менелаем
как бормашина атакуют зуб
читатель не дождется рифмы «дуб»
напуганный в ночи собачьим лаем*

*в далекой синеве мушиный рой
не услышать нам сей зубовный скрежет
не разглядеть земле воздушный бой
где на портянки германа изрежет
гомера заучивший назубок
советский ас романтик и мечтатель
и наматает на культяпки ног
читатель ожидает рифмы «бог»
но не дождется ничего читатель*

Война, которая по словам Гераклита Эфесского (которых он вполне возможно никогда не говорил, но это не важно) является матерью всех вещей.

Вообще находясь внутри текстов Плахова, часто кажется, что ты в досократовской Греции, где фронт, разделяющий богов-олимпийцев и титанов, застыл навеки в окопах, как застыла в свое время первая мировая война.

И противоборствующие силы предпринимают против друг друга позиционные вылазки, используя природные стихии, как англичане использовали танки, а немцы газы.

В ощущение античности погружает и частое (может быть, слишком частое) использование Плаховым грецизмов и латинизмов. Опять же огромное количество математических (скорее геометрических типа куба, цилиндра, шара) терминов являет как бы попытку автора наложить на хаос какую-то систему, как-то классифицировать его, преобразовать в формулу, таблицу. Но хаос в поэтическом мире Плахова, неуловим, т.е. непобедим.

Однако бесконечны и попытки структуры, иерархии, вертикали и тому подобных сил справиться с реальностью. Эта ползучая, бесформенная, аморфная реальность не вмещается в клетки систем и столбики таблиц. Кроссворд не решается. Вот и тянется бесконечная позиционная война запада с востоком, мужчины с женщиной, структуры с текстом.

И в лице Дмитрия Плахова мы имеем одного из самых талантливых стихотворных летописцев этой войны, т.е. нашего, вполне возможно, последнего времени.

Если оно-таки не окажется последним, я уверен, что о поэзии Плахова настоящие специалисты напишут толстые монографии.

А пока я могу только позавидовать любителям поэзии, которые впервые откроют новую книгу Д. Плахова.

Всеволод Емелин

СТИХОТВОРЕНИЯ

singultus

утро приходит как вор что подошвы правит
остроу бритвой и после не хрустнет гравий
крики гортензий в саду флоксов икота
не потревожат покамест иакова и федота
друга обряще вотще на сыром плаще
как дионис в плюще

утром нефритовый кролик приносит блюдо
с розовым чаем и губы его смеются
будет федот щетины лишен а иаков пейсов
крокусов рыжий пожар лед эдельвейсов
сопровождает неспешный их cup of tea
в утренней мякоти

полдень ворует тени и выси горни
страхом объятые травы пускают корни
время тягучее липкая струйка пота
вот переходит икота с якова на федота
после помедлив чуток снова на якова
после — на всякого

вот никодим что смотрел на работе порно
гулко икает и кровь орошает горло
вот венедикта икота скрутила рогом
давеча лгал он и клялся при этом богом
прочие все кого страшный конец постиг
делали глупости

боже мой святой крепкий плечистый бравый
знает что делает левой и то что правой
минет ли чаша сия то моя ль забота
так возглашает иаков и бьет по лицу федота
нет не твоя прерывает федот иакова
и об колено шмяк его

celeuma

не было у них имен
но среди волн толпы нутряного ропота
называли каждую по атрибуту ея
это признак худых времен
ведь то тут то там
за тобой по пятам
скользит тень боевого робота
гибельная змея

этой тяжести хватит на створки упругих устриц
выползая на бруствер с ослепшим ужасом накоротке
в проходных дворах возле дворницких слышит хруст лиц
галатея нагая в кустах кустуриц с веслом в руке

девушка с персиками
девушка с жемчужной сережкой
побеждали время и умением
и числом
шли бы вы нахер с вашими версиями
гражданин прокурор это я убил кенни и ем
его глаз мельхиоровой ложкой
глядя на девушку с персями и жемчужным веслом

этот мрамор подвержен трению сиречь тлению
открывая яремную вену символ таинства ремесла
ты сейчас офигеешь он таки убил ифигению
чтобы бурая пена вскипела вокруг твоего весла

whirlpool

сортир уборная клозет
вовне а здесь дверная рана
для писем или для газет
я таракан я телеграмма
на невещественный простор
была тогда такая мода
я проползая в коридор
подавлен тяжестью комода
о да я был с тобою груб
носил невзрачные кальсоны
на сиплой флейте сточных труб
я не сыграл тебе канцоны
бачок универсальный таз
вверху внизу слоистый кафель
и лампочки потухший глаз
и девичий неясный профиль
рисован тушью на стене
итак звалась она инесса
не в туалете а вовне
как неоконченная пьеса
в ней кровь и слезы и дерьмо
кинжал убийца этажерка
торшер портьера и трюмо
и искупительная жертва
я заплутал в твоих вещах
хозяйка замкнутой квартиры
чей профиль ловко совмещал
штрихи и точки и пунктиры
ликуй паяц внемли фигляр
смакуй подробности кончины
былое замкнуто в футляр
со всей небрежностью мужчины

de dolo malo

уж скоро май а германа все нет
но он не обещал быть ровно в полночь
он шел в зубоврачебный кабинет
а там мерзота всякая и сволочь
счищает камень с коренных зубов
мостит мосты пломбирует траншеи
порой братоубийственна любовь
читатель не дождется рифмы «кровь»
скорей петли затянутой на шее

и вот наш герман юный юнкер шмидт
а может гектор сын забытой трои
в пике заходит словно мессершмидт
вернее юнкерс а навстречу трое
покрышкин талалихин кожедуб
подкуплены ревнивым менелаем
как бормашина атакуют зуб
читатель не дождется рифмы «дуб»
напуганный в ночи собачьим лаем

в далекой синеве мушиный рой
не услыхать нам сей зубовный скрежет
не разглядеть земле воздушный бой
где на портянки германа изрежет
гомера заучивший назубок
советский ас романтик и мечтатель
и наматает на культяпки ног
читатель ожидает рифмы «бог»
но не дождется ничего читатель

cancer carsus — I

где вервие поддерживает тын
где ехал хмурый через реку грека
тебе цена в базарный день алтын
мой одинокий голос человека

прогнивший остов сумрачный причал
гуляет ветер меж дырявых крыш но
мой голос здесь во славе не звучал
руин среди его совсем не слышно

но слышен шепот будто из воды
я рак речной и здесь перезимую
зыбуч песок и не хранит следы
не то душа хранит любовь земную

сегодня ночь безлунна как на грех
лишь над волной звезда семиконечна
примкнуть штыки грядет рекою грек
не вдоль реки а поперек конечно

vis legibus est inimica

ты был инфант от инфантерии
гиперборейского царя
войска тебе не слишком верили
но опасались и не зря
поскольку мастер децимации
и шестимесячной губы
ты применял их вариации
с неотвратимостью судьбы

зато окоп лихого профиля
и хоть победа не близка
склады ломятся от картофеля
дрожжей и сахара песка
бывало вылезешь из бункера
где самогонный аппарат
и щуря глаз косые буркала
сподобишь принимать парад

вот с булавами ходят гетманы
у всех обрита голова
вот масса гетов с массагетами
несут ракету булава
вот скифы плотными колоннами
какая выучка и стать
теснятся плитами бетонными
и негде персику упасть
вот площадь полнится монголами
они лелеют обрусев
не лошадей брюшины голые
но жадный гаубичный зев

и штатским не понять проверено
кто этой доли не вкусил
проехать на кауром мерине
среди вооруженных сил
что как протоны с электронами
зажаты в атомной горсти
ты салютуешь эскадронам им
свое последнее прости

дело было вечером

анатолий сказал
вот уже трое из пизы гонцов
не вернулись в пизу
женщина не имеет концов
но открыта снизу
тело ее вокзал
и наш бронепоезд
на запасной прибывает путь
пусть и печальна повесть
но отражает суть

да борис промолчал
хуле спорить так то оно все так
тут давеча
шкурил в столярке одну
в паз прилаживал завалив на верстак
только уздечку порвал и сломал стамеску
лодка быта пошла ко дну
налетев на камни любви
что-то такое было у ионеску
или у павича

говорил анатолий
николай вот ты был на войне
полковым сапером
смерть за всяким ходила а за тобой вдвойне
что ж теперь ты смотришь на нас с укором
и мычишь от боли
фронтное братство ежеминутный риск
смерть приходит к тебе покорною и нагой
отвечал николай помню вереск дрок тамариск
и качал ногой

current receiver

в городе омске где проживал георг ом
сопротивление равнялось пи эр квадрат
сила тока реки выталкивала паром
на пологий извилистый плёс аккурат
супротив котельной и чем упрямей сей факт
тем длинней транссибирский тракт

наводит индуктивность как тень на плетень мастак
дебаркадера ржавые рёбра речное лоно
изучил вполне и во всех побывал местах
мимоходом постигнув суровый закон кулона
закорючки магических формул на трёх листах
но чадит в изголовье свеча и постель пуста

прочь на реку отсель там проказы и бабий визг
заседает конвент на трибуне горит ампер
электрический скат нежно жалит его мениск
молодого мин херца лобзает седой мон шер
всё не то и опять горизонт градиентом сер
голова пуста как палата весов и мер

заклученный в округлый контур квадрата пи
напряжение жил на зияющий ноль дея
оголенной рукой вот попробуй теперь слепи
круассанов версаля и ромовых баб кремля
и замерзни потом на границе глухой степи
на участке большой цепи

missa brevis

и не то чтобы дело а так пустячок
ямщикова песнь оседлав облучок
ту что в младости зычно орали
чем ты жив человече бобовый стручок
да пожухлый початок да тухлый рачок
на пустынном клочке литорали

несмотря на пониженный гемоглобин
ты остался в краю кумачовых рябин
здесь танатос от эроса близко
даже ближе пожалуй чем братск и харбин
погруженные оба в глубины вагин
недвижимых как зрак василиска

в эти годы командовал кто-то полком
или перья вострил раскаленным штыком
а теперь как обманутый дольщик
ты висишь между плинтусом и потолком
о гражданка судья подскажите по ком
заливается ваш колокольчик

ex pluribus unum

не помню должно быть еще эпиктет
но ближе сенека наверно
всегда соблюдал деловой этикет
в конце нашей эры примерно
вернее в начале но это пустяк
не будем гадать на костях

позор англосаксу жующему порк
не им а примерным аидом
лечу бизнес-классом из йорка в нью-йорк
и буду работать там гидом
вот бойня мычат золотые тельцы
вот башни стоят близнецы

мой брат ты обрел выраженье лица
и устную речь без акцента
ты занял сто баксов у бога отца
под три годовые процента
с такими деньгами ты купишь нам всем
билет вавилон-вифлеем

я многие годы боролся со злом
под именем савл из тарса
меня называли в отряде козлом
а я им в ответ улыбался
с какими людьми я спасенье снискал
красильщик рыбак и фискал

не помню аврелий сказал или тит
оставь для благого благое
ракета касам в галилею летит
на радость еврея и гоя
но может комета галлея
на что я надежду лелею

тетраморф

серая пелена изнанка глазного дна
серое вещество переполняет череп
цвета серого праха мысль как дитя одна
мысью по древу порскнет проникнет через
пазухи носа и вот
сир человек наг человек убог
встал человек каким его создал бог
у городских ворот

серый бетон о который крошится глаз
серое марево брошенного тобой города
за спиною остались впереди пустыня где глас
вопящего в ней от голода
не воспринят ухом
и жаждой духовной томим
как персонаж мистерий и пантомим
он воспаряет духом

серая пустошь метафора вечности здесь
умножая версту на коросту в формулах
путаешься и воскликнув о даждь нам днесь
торопливые капли дождя ловишь горлом их
слыша миндалин хруст
был человек полон
лев и орел и вол он
теперь он пуст

before Christ

в декабре проснешься за окном ядерная зима
прах земной перемешан с небом равно как свет и тьма
на площадях водружают под ура троекратное
ржавые «тополь-м» и повторяя тополь тополь
тополь тополь ты надеваешь ядерное пальто
и выходишь в парадное

раздавишь ботинком атомный шприц и его игла
напрасно грезила стогом сена и вот легла
дырчатым острием указав направление удара
по секретному бункеру и ты благодарен атомному ядру
что ритмично хлещет по головы ведру
и терзает геоид имеющий форму шара

а на улицах людно везде раздают хлеба
предвкушение рождения атомного гриба
заставляет плоть трепетать будто нос крольчихи
и бросая тени на ядерный тротуар
три волхва стоят мельхиор бальтазар каспар
как три тополя на плющихе

cancer carsus — II

я вершею ловил голавля и ерша
я был простой рыбак истоков рубикона
здесь кто-то вброд ходил свои дела верша
любитель потрохов и рыбьего бекона

пока я добывал налима и леща
вода была мокра и глаз слепила блёстко
но беспокойный ум опасен как праща
в неопытных руках еврейского подростка

зачем рыбачил я притом не без труда
чинил худую сеть и налегал на вёсла
а тот другой входил с войсками в города
искусства поощрял и развивал ремёсла

свисти мой рак свисти пока тебя хранит
не обнаженный меч но меч лишенный ножен
пускай не на горе где царствует гранит
пускай на черном дне на черный день отложен

corpus delicti

вот череп скалится лишенный губ
пустой и гулкий словно дебаркадер
вблизи него застыл рамон меркадер
зажав в деснице острый ледоруб

вот женщина что до поры пуста
черты ее лица скорее грубы
чем утонченны разве только губы
нежны о да нежны ее уста

четвертый вот интернационал
закутан плотно в траурную ризу
уперся верхом в мексику а снизу
в панамский испускательный канал

а вот грохочут снизу сапоги
ее улыбка на губах застыла
синьор рамон нас окружают с тыла
чуть чуть пониже реберной дуги

вот человек и нет на нем креста
лежит крестом в руках по океану
и торопливо кисть макает в рану
взволнованный сикейрос у холста

transmarinus

припадая на ноту как струнный квартет без альты
каменя лицом имитируй оскал базальта
и дождя сторонясь избегая последней капли
становись изваянием серым подобьем цапли

я любил эту деву как водится квадранто
лобызал колени и локти ее зачем-то
по ночам душил эту плоть как полевку кречет
говорят в последнее время лишь время лечит

минотавр тебя сожри растопчи кентавр
пусть венчает чело твое шелестящий лавр
или колкий терн что по сути одно и то же
не про нас парнас но сродни бугорку под кожей

наша речь и теперь обращенная в дрожь металла
вожделет не ласки гебы но мук тантала
и в движеньях скупа словно старый солдат на марше
улетает за темное море все дальше дальше

где центурии туч полыхают холодным гневом
где седой рыбак впопыхах выбирает невод
с утлой лодкой своей составляя плохую рифму
налегает на весла будто сатир на нимфу

aedificator

хочу воспеть межпозвоночный хрящ
какой асклепий уподобил диску
благодаря нему прямоходящ
прямолежащ и прочее по списку

а вот язык не так мне важен был
я даже прикусил его однажды
и случай этот сразу позабыл
ведь поступали так и всяк и каждый

тебе пою мой позвоночный столб
и ты и я заносчивы и горды
но посреди разноязыких толп
не избежать и нам проклятья хорды

я хордовым и хордовой рожден
я скрючен был во влажной неге лона
а ныне прям но под косым дождем
затерян в переулках вавилона

не ведая что сам теперь реку
как будто с языком лишен ума я
стою столбом опершись на кирку
прораба своего не понимая

arctus

это был действительно деревянный город
растущий на сваях у берега ледяной реки
вблизи от устья а дальше щекой ощутимый холод
моря вцеплялся в мыс подобьем пятипалой руки

не беря в расчет времени тягучего словно тесто
в отсутствии точки отсчета источника родника
я намеренно не уточняю обстоятельства места
таймыр ли ямал чукотка разница невелика

если речь о простых вещах например о ключьях
облака вертолетным винтом раздерганного как
на цитаты бродский и ты выходя на площадь
деревянную их цитируешь и пружинишь шаг

по наклонной доске на пристань где ржавый остов
рыболовного сейнера что до навигации не дожив
застыл как и весь этот молью траченный полуостров
погрузившись в смолу безвременья в студенистые миражи

*под недреманым оком светила до той поры
пока не дождавшись заката ты уезжаешь прочь
обременив некий другой участок земной коры
только тогда выпадает снег и наступает ночь*

lake country

не будучи ни пулей ни штыком
хулу и похвалу приемли равно
как бог зерна (скучает мышь по ком)
амбары наши заполнял исправно
но умер днесь и вот они пусты
подобно дням без праведной рутины
и небеса над нами как холсты
и облака пучками паутины

пусть алигер всегда ком алигер
пускай ля фам не требует под утро
езжай мон шер езжай на селигер
где все живут и правильно и мудро
где высших сил презрев взаимосвязь
никем не ждан как лев на водопое
великий князь пятой ступает в грязь
а там не грязь но кое-что другое

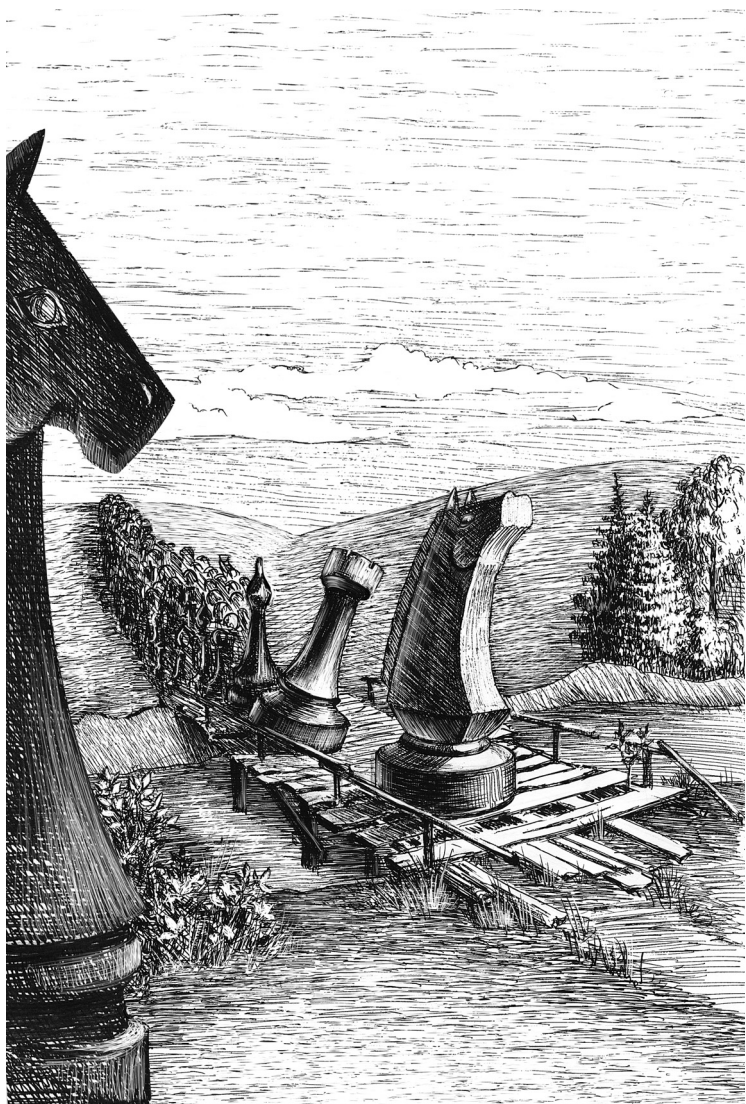

indago

шахматист нажимает на кнопку и ставит шах
королю угрожает не конь а скорей ишак
континент расчерчен на клетки над ним кубы
неучтенного воздуха далее лишь гробы

что вмещают в себе обесточенный микрокосм
а вокруг материя косна как ветхий мост
под пятой его разъезжаются берега
по реке проплывает труп твоего врага

хоть теперь не спи мой застенчивый трубадур
пой утрату иллюзий и крах полевых культур
ведь согласно последним данным сети ГЛОНАСС
кроме божьего ока никто не отыщет нас

апокалиптика

входишь в комнату - в комнате стул
более ничего ни икон ни окон ни прочего
приспособления для сквозняка чтобы дул
за воротник или светлый нимб бога отчима
соприкасался с нимбом пасынка агнца юнца
впрочем предание это имеет начало
а мы ожидаем конца

*зверь выходящий из моря приносит тину
на десяти рогах и кивает пучком голов
его встречает блудница являя собой картину
он вываливает на берег креветки миноги
и прочий морской улов
к ее золотым ногам
она раздвигает ноги
и произносит слова седьмого псалма
лоно ее в огне
блудница всегда служит многим богам
всадник на бледном коне
долго следит за ней с вершины холма*

в этой комнате ты последняя семечка огурца
залезай с ногами свершая последний трюк
представляя собой статую недотесанную с торца
но вполне способную нашарить рукою крюк
ожидая конца испытываешь чувство
взаимности - здесь когда-то висела люстра
а теперь не висит

southern post

над седую равниною моря
где мудака буревестник взмывал
пролетает возвышенный летчик
именуемый мной антуан

безнадежно темнит альтиметр
не глядит на него антуан
по истрепанным ветром закрылкам
пробегает предсмертная дрожь

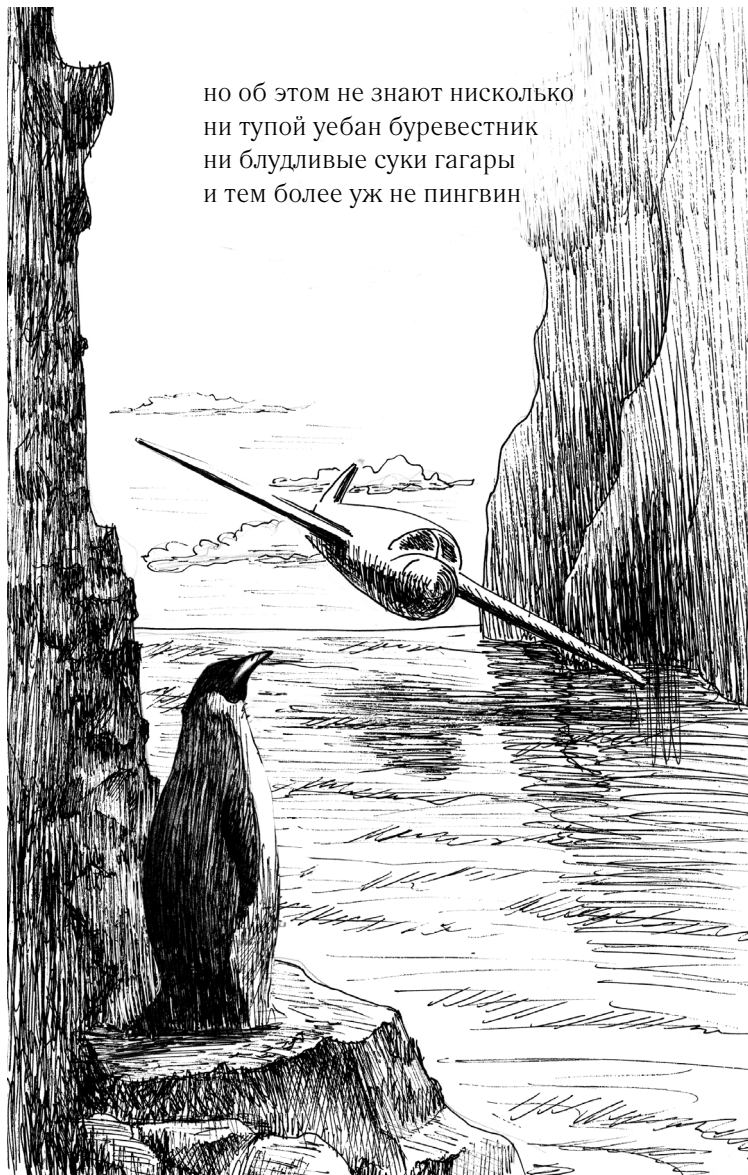
самолет приближается к скалам
где жирует придурок пингвин
антуан обречен на погибель
непослушны рули высоты

между тем собирается буря
стрелы молний сверкают вдали
антуану она безразлична
безупречна осанка его

изумрудные стонут громады
с ними спорит суровый норд-ост
стаи волн он сжимает в объятьях
и бросает на черный утес

антуан ничего не боится
не пытается выправить курс
он с бродячей немецкой подлодки
нашпигован шрапнелью и мертв

но об этом не знают нисколько
ни тупой уебан буревестник
ни блудливые суки гагары
и тем более уж не пингвин

other coast

лодочник плещет веслом
старуха голову кладет на плечо
светлым пятном слепит глаза туннель
мнилось ли так а теперь не хватает слов
жестов гримас ужимок чего-то еще
сел на корточки ждешь жуешь асфодель
лодка села на мель

гремлин ли влез в шарманку
сиплый прискорбный звук
ныне услышит всяк
вдоль по курфюрстенштрассе
вдоль по курфюрстенштрассе
тысячи ног и рук
фридрих лобзает стяг
гретхен жует баранку

мой ненасытный рот
был мерою всех вещей
мой ненасытный рот
был универсальным лекалом
мой ненасытный рот
прожевывал тонны фруктов и овощей
и через малое время
все выходило наружу калом

мой несчастный народ
весь состоит из людей
мой несчастный народ
велик и в большом и в малом
мой несчастный народ
озабочен поиском национальных идей
и через малое время
пойдет за грустным капралом

сколько теперь мне ждать
сидя на корточках

the bird

вряд ли и мы с тобою - сумма учетных книг
слышишь зажат водою корчится материк
кто это так игриво твердь отделил от вод
мстительный и ревнивый опытный кукловод

веришь ли ты в приметы ценишь ли божий дар
утки летят дуплетом в жаркий жаровни жар
мал золотник да дорог формой кругла земля
скоро мне стукнет сорок это печально бя

каждый охотник жаждет каждый охотник ждет
то что случилось дважды трижды произойдет
кречет ли красный кочет выключет мне глаза
каждый охотник хочет знать где сидит фазан

ripples in the water

вписанный в круг квадрат спорит суммой углов
с внешней окружностью — dura lex квадратуры
круга для бодающих единственной из голов
острый угол острога или прокуратуры
с этих позиций не слишком страшит исход
чартер в египет дома и посевы бросив
шествуя на закат узреешь в пути восход
как моисей или вообще иосиф
вот тебе южное море утренняя звезда
островной чиновник любитель домашней птицы
щупавший грудь перепелки и зад дрозда
остро глядит как лучник сквозь щель бойницы
на очертания облака более всего
напоминающие скорый визит люмбаго
он глядит на облако а облако на него
накрыв собой тринидад и кусок тобаго

unlimited

девять дней одного года я пил один
об этом знают надлежащие надзорные органы
но молчат ибо имя мне никодим
побеждающий глас народа чьи связки порваны

я на них не в обиде поскольку давно собрал
боевой параплан большой разрушительной силы
в восходящем потоке вылетает он сквозь окна портал
сильный гордый спесивый

это вам не обвисший фаллос тёмного гёте
вороненый шотган иссохшего че гевары
на турелях его не спаренные пулеметы
репродукторов смысла комплиментарные пары

он летит а внизу дворцы современных дождей
оплывают мембраной и продуцируют зубную боль
он и сам мембрана которая смыслы множит
и умеет делить на ноль

тупиковой ветви ныне всякому видны контуры
эй товарищ прочь от эстетики большеротых мортир
разворачивай излучатель в сторону гордой кордовы
и ищи боковой фронтир

видишь право по борту искрит треща электростатик
воспари душа от двухмерного алтаря
финку сунь в сапог ведь уже в стратосферной страте
параплан мой парит и сверкает над всем царя

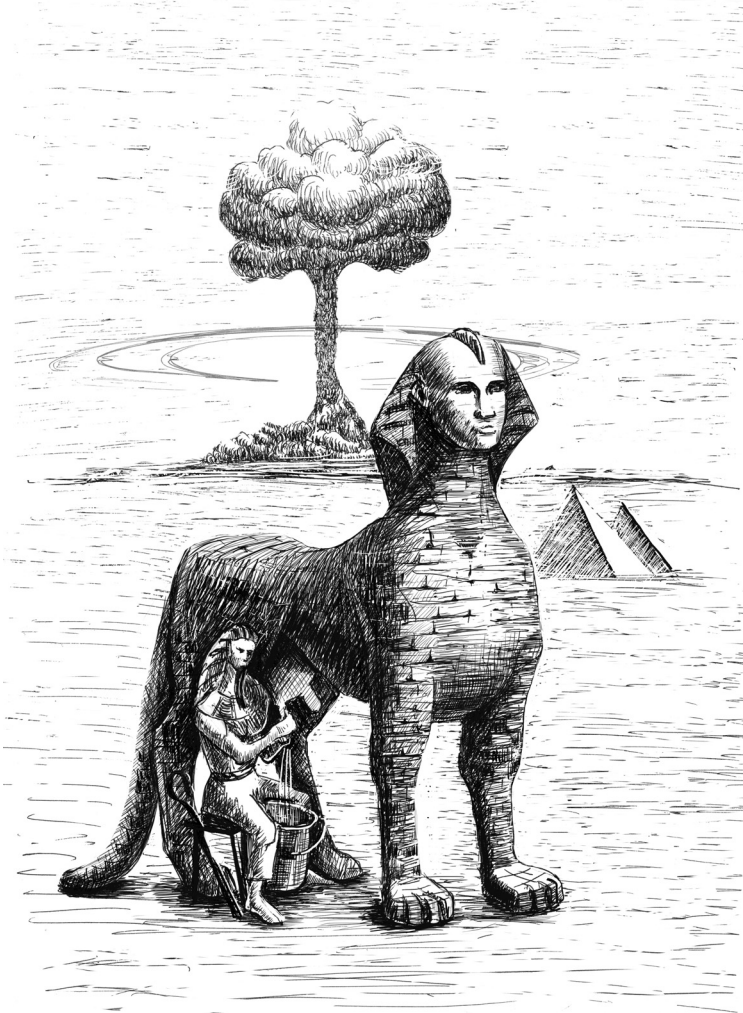
веселый молочник

молочник лишь молочницу любил
была она агафья был он нил
не в честь реки египетской но все же
трагично однокор как фараон
гонял коров на бывший полигон
ракетных войск о сохрани нас боже

молочник пьет сухое молоко
доносит благовесты с колоко-
льни льни ко мне развратной теплой сукой
но нет не льнет подойником гремит
покорна мужней воле как гранит
и полон глаз терпением и скукой

молочник спит молочник видит сон
его жена и фельдшер паркинсон
погрязли в бездне похоти и свинства
невыносимо хочется кричать
но на устах сургучная печать
неумолима словно сфинктер сфинкса

молочник весел потому что пьян
его друзья кузьма и валерьян
клонят ланиты к овощным салатам
они в неравной битве сражены
не водкой но красой его жены
и мир над ними неделим как атом

arenae mandare semina

есть число для корпускул песка
в обезлюдевшем верхнем египте
для смиренной гордыни писца
что сокрыта в сухом манускрипте

пусть и свет я исчислю и тьму
но слова что исторгну в печали
сократит математик к тому
одному что у бога в начале

я со словом всегда был на ты
победитель большого кроссворда
о признательный дар немоты
как снесет тебя гордая хорда

по сочтенным песчинкам твоим
в жарком мареве дней твоих праздных
прохожу как застенчивый мим
слов лишенный больных и заразных

караван на закате ушел
ветер стих и собака не лает
а кроссворд до конца не решен
ибо так никогда не бывает

via appia

пыльна аппия дорога
над дорогой воронье
было богово у бога
а у кесаря свое

неприкаянный гонимый
как бурлак под бечевой
я хожу теперь меж ними
не имея ничего

ах ты батюшка мой кесарь
ох господь ты наш благой
за каким вам интересом
я тщедушный и нагой

не по росту ваша милость
косен мой язык и лжив
что на свете изменилось
от того что был я жив

ясным днем ли ночью звездной
кесарь умер бог уснул
кто из вас сей тракт над бездной
ниткой тонкой протянул

а по краю этой бездны
всё терновые кусты
да заставы да разъезды
да могилы да кресты

herd

здесь куда ни глянь - всё скота падеж
и падежный ряд вызывает дрожь
произволом формы порядка для
потребляем всуе артикль “бля”

здесь вороний грай и коровий сап
морская язва живет в лесах
век от века спорит с длинной версты
я в стигматы эти влагал персты

бога нет имперский императив
вот извечный мой или твой мотив
хоть на ухо туг хоть на глаз слепой
хоть губою тресни а только пой

пой мой милый в августе и танцуй
в сентябре почет воздадим певцу
лобызаньем уст золотым гербом
сычугом коровьим бараньим лбом

vitrum

когда вождедел виноградную гроздь
часами слюнявил витрину
тогда разбегались галактики врозь
в потоке надменных нейтрино

бесстыдно когда возжелал апельсин
оранжевый шар целлюлитный
в тот миг пробивались сквозь векторы сил
пульсаров сердечные ритмы

связующим вкусом развратной хурмы
мечтал наслаждаться орально
от черной дыры от сумы и тюрьмы
зарекся и это нормально

январский циклон в переулках тепло
и слякотно экая небыль
но камень которым запустишь в стекло
что камень подброшенный в небо

там выгнулась косо простерлась вовне
эклиптики плоскость кривая
а ты все стоишь по колено в говне
дыханьем стекло согревая

фотограф

о чем твоя печаль мой грустный визави
с тобою схожи мы как братья диоскуры
подай мне тайный знак и взглядом позови
из темной глубины из камеры обскуры

вольно ж тебе стоять среди праздничной толпы
и кнопки нажимать на цифровой консоли
бог сохраняет всё особенно столпы
фигурные столпы из каменистой соли

холеру и чуму брюшной голодный тиф
не стану призывать на оба ваши дома
но разгляди меня сквозь жесткий объектив
в тот неурочный час на улицах содома

немало не стыдись ни серы ни огня
асфальтовых дымов и колебаний магмы
но выдержкой своей ты удивишь меня
кричащим естеством открытой диафрагмы

на безымянной высоте

здесь так всё блекло всё так бежево,
здесь мёртво всё как и допреж его
но всё же, еле различима
сквозь сгустки плотной пустоты
глядит звериная личина
мне кажется что это ты
и память девичья услужливо
снимает дней прошедших кружево
и обнажает вход в нутро
дырой в подземное метро
там грановитыми палатами
хранимы хмурыми солдатами
толпятся фразы и слова
их не пускает голова
так жить без паствы и без пастыря
жуя во рту кусочки пластыря
тем словесам и суждено
но я узрею в том кино
как спотыкаясь о цезуру
ты затыкаешь амбразуру
и горло костью от ерша
тем ратный подвиг соверша

per omne tempus

что там за этим окном
желтый дом
серо-зеленый дом
низкое небо
холод
от дома до дома провисший провод
лужи еще не покрытые льдом
разверстый как губы гебы
мусорный бак с надписью «лох»
лес в опушке березовом
в целом пейзаж неплох
если будет повод
подойди ко мне в голубом
или в розовом

что наверху
то же что и внизу
три мудреца в тазу
вдруг предались греху
на голубом глазу
нижний пустил слезу
именно потому
дышишь сейчас водой
стекло согревая лбом
влажен окна проем
им хорошо втроем
ты ли это в окне
в розовом подойди ко мне
в голубом

free verse

я не могу выебать любимую женщину
такого не пожелаешь даже лютому своему врагу
друзья приходят спрашивают когда же ты женишься
а я любимую женщину выебать не могу

и это не потому что плесень царит в промежности
не потому что оскудела спермиев юрких рать
а потому что хочется делать ей только нежности
задыхаясь от нежности а не ставить раком и драть

наверно это рефлексии долбанного интеллигента
комплекс пигмалиона или эдипа что драл свою мать
штольц мне скажет правильно - эта муть не стоит и цента
женщина хочет секса и оный ей нужно дать

посмотри на крупную рыбу - политики дельцы военщина
они кроют самок без продыху и походя жрут мелюзгу
я сижу у кровати смотрю как спит любимая женщина
которую могу целовать и гладить а выебать не могу

сумма квадратов катетов

нарисуй себя гуашью
а меня карандашом
как на татлинскую башню
мы залезли голышом
над клубящейся метелью
обращенные вовне
дело кончится постелью
есть предчувствие во мне

ах мадам какая жалость
ах пардон муа мсье
вот вам жимолости малость
вот мешочек монпансье
пусть объял смертельный холод
этот город на реке
мы с тобою серп и молот
в человеческой руке

на морозе на просторе
выдыхая пар усни
вот река впадает в море
вот по морю парусник
это легкий чайный клипер
с андаманских островов
и у шкипера не триппер
он практически здоров

над верхушкой острой мачты
пролетает самолет
если хочешь плакать плачь ты
слезы холодны как лед
самолет расчертит небо
легким росчерком пера
мы с тобою крошки хлеба
в бороде у шкипера

aspectus

на грязном асфальте опавшей листвы багровеет тлен
на город пехотным полком наползает стужа
я долго смотрел на женщину пойдёт ли этому рту член
именно мой а не ее мужа

мне подобна во многом она ожидала автобуса
прислонясь к железным перилам и боялась ловить такси
в это самое время на оборотной стороне глобуса
кто-то тоже склонился согласно наклону его оси

мною не видим в силу слабости глазного нерва
в силу фокусного расстояния от роговицы до глазного дна
наконец автобус и я вошел в него первый
а она осталась на остановке стоять одна

фокусное расстояние - именно в этом и фокус
тайна взаимодействия земных и небесных сил
не подходил ей мой член и тем более мой автобус
но это я много позже сообразил

network

всего лишь ветра дуновенье
всего лишь птичий крик в ночи
ты так хотел стихотворенье
так распишись и получи

какие запахи тимьяна
луга окрестные несут
итак звалась она татьяна
а может ольга но не суть

я к вам пишу чего же боле
чернеет неба антрацит
и мы с тобой на этом поле
не то творцы не то скворцы

но может статья все иначе
покуда длится эта ночь
мы числа ряда фибоначчи
из формул выпавшие прочь

и что нам в сущности гекуба
когда божественно вдвоем
возводим близость в степень куба
и телу придаем объем

луна как бледная капуста
сквозь тучи мрачные яви
всю эту алгебру распутства
и геометрию любви

все эти цифровые ласки
оптические провода
и те уста что по-фламандски
не говорили никогда

иван-дурак

это ли не пастораль луга перелески
русло реки излучина топкие берега
сердце твое на конце рыболовной лески
на вдохе иволга на выдохе пустельга

юркнет кузнечик тень на углу сетчатки
птичьего глаза круглого как пятак
пальцев твоих невесомые отпечатки
птица увидит с неба а мне никак

узнанный всеми видно не быть богату
иволгой ли кузнечиком пустельгой
кожа твоя лягушачья сгорит к закату
через плечо брошена в сторону солнца мной

боевая песнь макрели

губы бледны у рыб их движенья быстры и слитны
их торпеды тела в плавниках смертоносный морфин
рыбы рыбы целуют меня горячо и бесстыдно
неподвижны глаза обитателей темных глубин

я не знаю любила ли ангела меркель макрель
но плыву весь в стальной чешуе из июля в апрель
кислород вытесняю из вод трепещу языком
я люблю эту фрау хоть с нею совсем не знаком

ты высокая меркель плывешь на большом корабле
что локатором крутит в соленой промасленной мгле
рядом ангел стоит с золотым галуном на плече
он железной рукою ведет сквозь пучину ковчег

я нацелен в подбрюшье ударить нацелен под дых
в средоточие трюмов и палуб твоих боевых
в пенном шейкере моря смешать броненосный каркас
с человечьей и рыбьею кровью готов я сейчас

фрау канцлер спасения нет от макрелевых стай
прыгай с палубы вниз и ногами меня обнимай
золотыми ногами в прожилках лазоревых вен
я тебя унесу в свой подводный загадочный плен

губы бледны у рыб их движенья быстры и слитны
их торпеды тела в плавниках смертоносный морфин
рыбы рыбы целуют меня горячо и бесстыдно
неподвижны глаза обитателей темных глубин

левиафан

я был рожден левиафаном
шумела стывшая вода
смерзаясь на подбрюшье рваном
кристаллами сухого льда

преследуем рыбоохраной
вблизи исландских голых скал
я каждой клеточной мембраной
за тайной тайну постигал

я плыл а рыбы были немы
они струили пузыри
нелепые философемы
теснились у меня внутри

над морем громоздилось небо
на запад двигалась гроза
я видел капитана немо
его холодные глаза

dungeon lord

ты можешь жить как люк бессон
собой весьма весом
как вуди аллен видеть сон
о скарелет йохансон

но с неких пор я не могу
ни спать ни пить ни есть
одна лишь мысль в пустом мозгу
пронзительная есть

как только птицы улетят
и опадет листва
я полюблю тогда тебя
подземная москва

пойду туда скруглив плеча
/спущусь презрев уют/
где корни города торчат
и медленно гниют

вот впереди мерцает блик
багряной буквы «м»
и хочет горло крикнуть крик
и всюду прах и тлен

теперь прыжок за турникет
такой ночной порой
когда приходит магомет
на randevу с горой

во глубине бетонных шахт
есть тайный каземат
где дознаватель ставит шах
переходя на мат

среди сплетений проводов
щербатый скаля рот
там шелестят фантомы вдов
и призраки сирот

вот логос в хаосе вещей
с улыбкой на лице
в гробу хрустальном царь кашей
а смерть его в яйце

апостол тайного метро
калмык или казах
лежит и щурится хитро
и мальчики в глазах

купают красного коня
как капсуль «жевелю»
он испускает сноп огня
и дышит тяжело

и дольше века длится век
и день короче дня
и всех живее человек
похожий на меня

bifurcation

не дерево которое растет
не птица что над деревом летает
но человек чей инструмент остер
в моем мозгу незримо обитает

не серафим из города саров
не святополк коварный и неробкий
а кто ж тогда обрел и стол и кров
в отдельно взятой черепной коробке

я помню все хоть это был не я
ходил мальчишкой на плотях в заречном
дробилась философская струя
о философский камень и о вечном

шептала мне вернее нет не мне
тому мальчонке я его не помню
он был кретин и при пустой луне
шептал слова одной кретинке полной

тетрадь моей исписана рукой
как я провел каникулы в тоledo
в то лето я был в точности другой
но кто прочтет но кто поверит в это

сейчас и здесь а не тогда и там
азм есмь пин-код своей кредитной карты
так кто за мною ходит по пятам
и кажет кукиш из под школьной парты

так кто узнав секрет разрыв-травы
умалишенный с бритвою в деснице
в мансарду этой круглой головы
пролез сквозь обнаженные глазницы

та птица что над берегом реки
то дерево что непокорно корню
меня другим названьем нареки
я не был им я ничего не помню

lapsus linguae

здесь холодно но где теперь тепло
здесь все едино салехард мацеста
взгляни на мир сквозь пыльное стекло
там бродят порождения инцеста
и голосуют за своих отцов
что матерям вполне родные братья
прошу не отвращай от них лицо
не отвергай их пылкие объятя

здесь людно но людей не отыскать
ни днем с огнем ни лозоходцу тоже
хуи володь срамные губы кать
в метро елозят по открытой коже
и неизменно вертикальна власть
волнительна как пальцы костоправа
о как она рифмуется с “напасть”
и дивно соотносится с “расправа”

пусть ныне присно и вотще потом
потомок мой моей рожденный ленью
накормлен вдосталь нефтяным кнутом
но пряника лишенный к сожаленью
заветам изуверный до конца
распашет среднерусскую долину
и проклянет злосчастливого отца
что обозлил а не удобрил глину

production cycle

Вдали, покинув коновязь,
Пылил копытом красный конник.
Окно, где кружевная бязь,
В нем ты стояла не таясь,
Воздвигнув грудь на подоконник.

Умчался, не сыскать концов.
«Райком закрыт, все бабы в поле».
Средь молотилок и вальцов,
Они рожают нам бойцов,
И носят их домой в подоле.

Цыплят по осени не счесть,
Теперь распутица у власти.
На то нам грамота и есть,
Чтоб эту вывеску прочесть.
Благая весть. Христовы страсти.

Вот дева с русою косой.
Мария в святцах, не иначе.
Умыта божьею росой,
И мальчик на руках босой,
И всадник облаками скачет.

presentiment

как шальные звезды мерцают в небесном ковше
когтистая музыка нынче - скребет по душе
бемоли бекары лекала канцон и кантат
кимвалом бряцая с пришельцем пророчат контакт

на пыльных тропинках далеких и близких планет
я плотью нанизан на нотного стана скелет
мембраной касаясь пространства симфоний и фуг
в них чувствуя мощь ускорителей и центрифуг

пугающий гул и рожденный вибрацией визг
терзает летящий во тьме то ли шар то ли диск
поскольку прочитан уже непреложный вердикт
и космос холодный на теплую землю глядит

виновен скрепивший в один убедительный ряд
щербатые звезды морские и звезды плеяд
не шилка и нерчинск но страшный обещанный суд
шагнул за пределы а там лишь тоскливый абсурд

я космос открытый рукой дерзновенной держал
посланец земли а не просто одной из держав
я неба рогожу титановым резал ножом
я умер ионным потоком в живот поражен

* * *

граждане бойцы красные рыцари революции
так говорил комиссар горяча коня
было поле накрыто белым пятном поллюции
и топорщилось небо над нами как мятая простыня

опосля развиднелось чернели трупы на поле голом
что твои снопы перевязанные посреде
но кричал комиссар и сжигал нам сердца глаголом
и горячее олово слов его превращалось в медь

а потом бронзовели мы в барельефах станций
в городах подземных выставленны на показ
и глазели на нас изумленные иностранцы
фотовспышкой альцгеймерной сквозь объективы глаз

не прости меня в этот час ни о чем не проси меня
ведь стою я на грани не шире винтовочного ремня
не проси за меня дорогая моя аксиния
не проси за меня

кубанские казаки

пылает закат
гордей гордеич будто не наяву
уязвленный победой в состязании колесниц
галину ермолаевну хватет за белый локоть
в деснице его сила пяти десниц
в нем плещется гнев и похоть
он валит галину в траву
под стрекот цикад

пылает закат
слышен храп стреноженной кобылицы
запах ветра аромат чуть подкисших щей
изо рта гордея гордеича до ближайшей станицы
восемь верст макар не погнал бы сюда телят
и согласно природе вещей
председатель ебет председателя
на глазах у цикад

пылает закат
здесь он пылает всегда это тебе не бальзак
с его шагреновой кожей белое как горячка
тело галины ермолаевны пряное молоко
плавится в рыжей стерне ломая крылья цикад
ей тяжело ну а кому легко
грузен гордей гордеич но не грузин — казак
и она казачка

журавли

мне кажется порою что солдаты
с кровавых не пришедшие полей
не полетят на отдых в эмираты
не поведут супругу в дю солей

не будут фигурантами потехи
присяжными не вынесут вердикт
и не возьмут жилищной ипотеки
и среднесрочный банковский кредит

они летят до сей поры и жуток
их ровный строй среди воздушных масс
и если есть меж ними промежуток
то этот промежуток не для нас

я не делю на правых и неправых
в руках синицы в небе журавли
как хорошо что с тех полей кровавых
вы в радостное завтра не пришли

et amo

когда в столь отдаленные места
уходит год походкой скифской бабы
налей полста и с чистого листа
а если нет тогда и нам пора бы

и розенкранц и гильденстерн мертвы
испив до дна просроченной цикуты
зачем с тобой мы перешли на вы
в такие сокровенные минуты

да скифы мы да азиаты мы
теперь и нам марфуша быть в печали
теперь и нам глазеть на вас из тьмы
бессильными и тусклыми очами

провижу ль я тот неурочный час
когда пьяны иным болиголовом
вы вспомните вы скажете о нас
и поперхнетесь словом

Содержание

singultus	10
celeuma	12
whirlpool	13
de dolo malo	14
cancer carsus I	16
vis legibus est inimica	17
дело было вечером	19
current receiver	20
missa brevis	21
ex pluribus unum	22
тетраморф.....	24
before Christ	25
cancer carsus II	26
corpus delicti	27
transmarinus	28
aedificator	29
arctus	30
lake country.....	31
indago.....	32
апокалиптика	34
southern post	35
other coast	37
the bird	39
ripples in the water	40
unlimited	41
веселый молочник	42
arenae mandare semina	44

via appia	45
herd	46
vitrum	47
фотограф	48
на безымянной высоте	49
per omne tempus	50
free verse	51
сумма квадратов катетов	52
aspectus.....	54
network	55
иван-дурак.....	56
боевая песнь макрели	58
левиафан	59
dungeon lord	60
bifurcation	62
lapsus linguae	64
production cycle.....	65
presentiment	66
* * *	67
кубанские казаки	68
журавли	69
et amo	70

TIBI ET IGNI

Для заметок

TIBI ET IGNI

Для заметок

TIBI ET IGNI

Для заметок

Литературно-художественное издание

Плахов Дмитрий Андреевич

TIBI ET IGNI

стихотворения

Дизайн и компьютерная верстка *Е. Плахотная*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции

ОК 005-93-953000.

Издательство “Вако”

Подписано в печать 23.02.2012

Формат 84x108/32 Бумага офсетная.

Гарнитура «LiteraturnayaC» Печать офсетная

Усл печ. л. 4,2

Тираж 500 экз.